

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Шаожева Н. А. Образовательная политика Российской империи и кавказская семья в XIX — начале XX веков (на материале Кабарды и Балкарии) / Н. А. Шаожева, М. А. Хоконов, Р. П. Лисеев // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 10. — С. 564—582. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-10-564-582.

Shaozheva, N. A., Khokonov, M. A., Liseev, R. P. (2025). Educational Policy of Russian Empire and Caucasian Families in Nineteenth to Early Twentieth Centuries: Case of Kabarda and Balkaria. *Nauchnyi dialog*, 14 (10): 564-582. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-10-564-582. (In Russ.).

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ**Образовательная политика
Российской империи и кавказская
семья в XIX — начале XX веков
(на материале Кабарды и Балкарии)**

Шаожева Наталья Анатольевна¹
orcid.org/0000-0002-3667-6788
доктор политических наук,
Центр социально-политических
исследований,
корреспондирующий автор
disana05@mail.ru

Хоконов Мурат Анатольевич²
orcid.org/0000-0002-9672-9823
кандидат философских наук,
доцент кафедры этнологии,
истории народов КБР и журналистики
mhokonov@gmail.com

Лисеев Роман Петрович²
orcid.org/0000-0003-1066-9763
кандидат филологических наук,
доцент кафедры этнологии,
истории народов КБР и журналистики
romalis@mail.ru

¹ Кабардино-Балкарский научный центр
Российской академии наук
(Нальчик, Россия)

² Кабардино-Балкарский государственный
университет им. Х. М. Бербекова
(Нальчик, Россия)

**Educational Policy of Russian Empire
and Caucasian Families in Nineteenth
to Early Twentieth Centuries:
Case of Kabarda and Balkaria**

Nataliya A. Shaozheva¹
orcid.org/0000-0002-3667-6788
Doctor of Political,
Center for Socio-Political Research,
corresponding author
disana05@mail.ru

Murat A. Khokonov²
orcid.org/0000-0002-9672-9823
PhD in Philosophy, Associate Professor,
Department of Ethnology, History
of Peoples of the KBR and Journalism
mhokonov@gmail.com

Roman P. Liseev²
orcid.org/0000-0003-1066-9763
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Ethnology, History
of Peoples of the KBR and Journalism
romalis@mail.ru

¹ Kabardian-Balkarian Scientific Center
of the Russian Academy of Sciences
(Nalchik, Russia)

² Kabardino-Balkarian State University
named after H. M. Berbekov
(Nalchik, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье рассматриваются вопросы реализации образовательной политики Российской империи в Кабарде и Балкарии в XIX — начале XX веков. Новизна исследования видится в переосмыслении основной концепции и целей образовательной политики, которые, с одной стороны, были направлены на создание единой системы образования на русском языке и интеграцию горцев в единое социокультурное пространство, с другой стороны, должны были соотноситься с местными традициями и потребностями. Представлены этапы становления и развития образования в Кабарде и Балкарии в XIX веке. Выявлены социокультурные барьеры на пути образовательных инноваций в XIX — начале XX веков. Показано, что любые явления, выходящие за рамки традиционной картины мира, воспринимались большинством населения как потенциально вредные и угрожающие культурному наследию. Отмечается, что образование некоторое время оценивалось значительной частью местного населения резко отрицательно, а большая часть горского населения боялась влияния русификаторской политики. Установлено, что нововведения в образовательной политике России, связанные с законодательными мерами, внедрением новых видов образовательных учреждений и обучающих программ, повлияли впоследствии на формирование новых моделей идентичности в контексте экономической и социокультурной модернизации.

Ключевые слова:

Кабарда и Балкария; образовательная политика; горские школы; женское образование; кавказская семья; обучение детей на Северном Кавказе.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the implementation of educational policies by the Russian Empire in Kabarda and Balkaria during the nineteenth and early twentieth centuries. The novelty of this study lies in reinterpreting the core concepts and objectives of these policies, which aimed simultaneously at creating a unified system of education based on the Russian language while integrating local mountain-dwelling populations into a common sociocultural framework. At the same time, these policies had to align with regional traditions and specific needs. We present an overview of the stages of development and evolution of education in Kabarda and Balkaria throughout the nineteenth century. Socio-cultural barriers that impeded educational innovations are identified, revealing how phenomena outside traditional cultural frameworks were perceived as potentially harmful threats to heritage by most members of the population. It is noted that for some considerable period, formal education was viewed negatively by many locals who feared its impact would compromise their distinct identity. Furthermore, the introduction of new types of schools, curricula, and legislative measures underpinned subsequent shifts toward modernized economic and socio-cultural identities among these groups.

Key words:

Kabarda and Balkaria; Imperial educational policy; Mountainous schooling; Female education; Caucasian family structure; Childhood education in the North Caucasus

УДК 94(47).083+392.31(479.6)“18/19”

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-10-564-582

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Образовательная политика Российской империи и кавказская семья в XIX — начале XX веков (на материале Кабарды и Балкарии)

© Шаожева Н. А., Хоконов М. А., Лиссеев Р. П., 2025

1. Введение = Introduction

Вступление России в XIX — начале XX веков на путь модернизации во всех сферах жизни общества в условиях социокультурного многообразия потребовало от властей проведения такой политики, которая смогла бы помочь народам Северного Кавказа принять инновации, однако укоренившиеся традиционные аксиологические и когнитивные структуры в определенной мере препятствовали включению региона в российскую цивилизационную политику. Адаптация моделей мышления и поведенческих норм позволила бы минимизировать потенциальные конфликты с центральной властью, одновременно обеспечивая сохранение уникального культурного наследия и предотвращение деформации этнической идентичности [Гяургиева, 1999, с. 10]. Неслучайно среди приоритетных направлений политики России на Северном Кавказе было образование, которое являлось средством не только политического, но и идеологического воздействия. Для коренных народов это был кратчайший путь адаптации к новым моделям повседневности.

Отметим, что составляющие предмет изучения в данной статье социокультурные барьеры на пути образовательных инноваций в XIX — начале XX веков (гипертрофированное противопоставление «своего» и «чужого», конфликт межпоколенной трансляции с новыми ценностями) имеют прямые параллели с современностью, где вопросы интеграции традиционных устоев и технологического, социального прогресса остаются крайне острыми.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

История становления и развития образования в Кабарде и Балкарии характеризуется достаточной степенью разработанности. В советское время изучению политических, экономических и социокультурных предпосылок развития культуры, образования и роли национальной интеллигенции

в данном процессе в дореволюционной Кабарде и Балкарии были посвящены работы Т. Х. Кумыкова [Кумыков, 1965], И. П. Копачева [Копачев, 1964] Я. С. Смирновой [Смирнова, 1977] и др. Т. Х. Кумыков раскрыл объективные предпосылки включения кабардинцев и балкарцев в общероссийскую политическую и экономическую систему, которая сыграла ключевую роль в становлении светского образования в Нальчикском округе Терской области и формировании национальной интеллигенции [Кумыков, 1965]. Вопросам школьного образования в XVIII столетии — 30-х годах XX века посвящена работа И. П. Копачева [Копачев, 1964]. Кроме того, автор затронул проблемы семейного воспитания детей кабардинцев и балкарцев разных сословий и влияние его на образование. В работе Я. С. Смирновой содержатся сведения о кавказской (адыгской) семье и механизмах культурного взаимодействия во внутрисемейных отношениях [Смирнова, 1977].

Современные исследования представлены работами М. З. Саблирова [Саблиров, 2001], М. Ч. Кучмезовой [Кучмезова, 2003], В. Х. Тхакахова [Тхакахов, 2002] и др. В работе М. З. Саблирова представлен анализ влияния соционормативной культуры кабардинцев и балкарцев на развитие национального образования, охарактеризована роль национальных просветителей в изменении традиционных аксиологических конструктов горцев в обозначенный период [Саблиров, 2001]. М. Ч. Кучмезова исследовала традиции и инновации в культуре балкарцев и их влияние на семейные отношения [Кучмезова, 2003]. В. Х. Тхакахов рассмотрел методологические вопросы трансформации социальных и этнокультурных процессов на Северном Кавказе в историческом контексте [Тхакахов, 2002].

В связи с вышеуказанным цель исследования заключается в изучении целостной картины реализации образовательной политики в Кабарде и Балкарии в XIX — начале XX веков и выявлении факторов, повлиявших на формирование вариативного отношения к образованию у различных сословий.

Методологической основой работы является историко-статистический метод, позволивший проанализировать процесс становления образования в Кабарде и Балкарии и его динамику. Принцип историзма, личностный и культурологический подходы дали возможность провести историко-психологический анализ отношения населения Кабарды и Балкарии к образованию подрастающего поколения.

Вводятся в научный оборот архивные материалы, собранные в Центральном Государственном архиве Кабардино-Балкарской Республики. Речь идет о статистических данных, касающихся количества светских и религиозных школ, о численности, возрастном, половом, национальном, сословном составе учащихся. Новые документы, включающие переписку

со Штабом Кавказской линии и Черноморья по зачислению детей кабардинской и балкарской аристократии в военные учебные заведения, позволяют составить представление о масштабах образовательной политики на Северном Кавказе.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Развитие образования в Кабарде и Балкарии конце XVIII — начале XIX веков и его специфика

Анализируя вопросы генезиса образования на Северном Кавказе, было бы неверным говорить о том, что народы региона пребывали в полном невежестве. В конце XVIII века в Кабарде и Балкарии стали открываться первые мусульманские школы. Их появление было связано с планами Турции по порабощению кавказских народов. Существовавшая тогда система мусульманского образования была представлена тремя ступенями: низшее звено — коранические школы, среднее — мектебе и высшее — медресе. Население в них получало минимальное образование, не выходящее за рамки изучения Корана и хадисов. Религиозные учебные заведения были всесословными.

В противовес этой системе в начале XIX века российское правительство создает свою модель образования с ориентацией на русскую культуру. Речь идет об аманатских школах, которые должны были обеспечить лояльность горцев по отношению к России и их культурную ассимиляцию. В 1820 году в крепости Нальчик была открыта первая аманатская школа для детей горской аристократии, в которой обучали русскому языку, арифметике, географии, истории. Аналогичные школы были открыты и в балкарских обществах. Однако данный тип школ не был широко распространён в Кабарде и Балкарии, во-первых, из-за отсутствия должного финансирования (эти школы содержались главным образом за счет военного ведомства и родителей). Например, в Нальчике она влачила нищенское существование. В Балкарии ситуация выглядела аналогично [Кумыков, 1965, с. 336]. Во-вторых, растущие потребности российских властей в отношении распространения их политики на Кавказе аманатские школы удовлетворить были не в состоянии. В-третьих, складывающаяся политическая ситуация в регионе требовала неотложных мер по формированию надежных военных и чиновничих кадров и среди русских, и среди горцев, поэтому российское правительство в большей степени было заинтересовано в открытии министерских школ за счет государственного бюджета.

Но образовательная политика России на Северном Кавказе была со-пряжена с определенными трудностями. Речь идет о специфике отношений между горцами и российскими властями, поскольку социокультурные

и ментальные различия порождали серьезные противоречия, обусловленные отсутствием длительного существования региона в рамках централизованного государства [Тхакахов, 2002, с. 84]. Население Кабарды и Балкарии тяготело к традиционализму, патернализму и общинности, что блокировало понимание необходимости образования среди различных сословий горцев. Поэтому «особая образовательная модель, ориентированная на последовательное конструирование единых ментальных стереотипов» [Шафранова и др., 2020, с. 110], явилась здесь естественным фундаментом интеграционной практики.

Система образования в XIX веке в Кабарде и Балкарии не носила массового характера, поскольку российские власти изначально отдавали приоритет в обучении тем слоям населения, которые могли быть в дальнейшем привлечены к государственной и военной службе. Государство смогло, с одной стороны, обеспечить стабильность и порядок на Северном Кавказе, с другой стороны, приобщить коренное население (привилегированные сословия) к российским ценностям и сформировать их преданность империи [Арсанухаева, 2013, с. 9].

3.2. Этапы становления и развития образования в Кабарде и Балкарии в XIX веке и факторы, влияющие на отношение горцев к образованию детей

В деле становления системы образования в Кабарде и Балкарии в XIX веке можно условно выделить несколько этапов. Первый этап — 30—40-е годы XIX века — связан со стремлением российского правительства привлечь детей горцев к несению военной службы через обучение их в системе военных учебных заведений Санкт-Петербурга. Однако семейная, сословная и этническая идентичность блокировали реализацию данной политики в нужном для власти направлении. В 1851 году в рапорте Главнокомандующему войсками было сказано: «С тех пор, как начали отправлять малолетних горцев (дворян и князей. — Н. Ш.) из Кабарды на воспитание в Санкт-Петербург, отправления эти делались и делаются по большей части не по добровольному согласию родителей, а по сильному убеждению начальства, а иногда и по настоянию оного...» [УЦГА АС КБР, ф. И-16, оп. 1, д. 1189, л. 14]. Таким образом, набор учащихся в указанные образовательные учреждения был весьма ограничен. С одной стороны, он, казалось бы, «наиболее соответствовал природным наклонностям и общественным привычкам воинственных жителей гор» [Трехбратова, 2015, с. 58], так как традиционные взаимоотношения внутри данного этнокультурного сообщества выражались преимущественно в культивировании мужественных и военных ценностей, выступавших неотъемлемым элементом становления национальной идентичности. С другой стороны,

родителям приходилось учитывать вероятность приобретения детьми чуждых традиционных моральным установкам форм поведения вследствие отдаленности образовательного пространства от семейного окружения. Кроме того, существенным препятствием к поступлению на учебу детей горских князей и дворян были большие расходы по обучению и воспитанию, которые несли именно родители, а не государство [УЦГА АС КБР, ф. И-16, оп. 1, д. 1189, л. 16]. Так, в 1842 году было предложено отправить в Россию 15 мальчиков высшего сословия из кабардинцев, однако родители пожелали оставить детей и «обучать их предпочтительно плотницкому делу, токарному мастерству, кузнечному и слесарному делу, такать шерсть и холст, так как для дворян это гораздо важнее и необходимее... так как средств у дворян нет, чтобы отправить детей на обучение [УЦГА АС КБР, ф. И-16, оп. 1, д. 116, л. 9—9 об].

По мере развития отношений между государством и кавказскими народами русское правительство более активно начинает создавать школы, существующие за казенный счет, в деятельность которых входило преподавание специальных дисциплин, необходимых для государственной службы: «Закон Божий, турецкий и русский языки и четыре правила математики» [Там же, л. 8]. Но, поскольку дети кабардинских и балкарских дворян, поступавшие в них, не имели предварительной подготовки и минимального знания русского языка, родители осознавали, что процесс обучения сопряжен с серьезными трудностями и низкой эффективностью, что, в свою очередь, создавало дополнительные препятствия для успешной реализации образовательных инициатив.

Понимая важность реализации образовательной политики в регионе, российские власти начали устанавливать обязательные цифры приема в военные учебные заведения: устанавливалось, чтобы «ежегодный контингент ... детей горской знати в русские военно-учебные заведения был общей численностью не менее 30 человек» [Прокудин, 2019]. Также вводились исключительные правила зачисления и обучения детей привилегированных сословий. Заведения держали у себя «без всякой пользы малолетних горцев, оставшихся на третий и даже четвертый год в одном и том же классе... неспособными к учению. От этого между горцами нет соревнования, ибо они устроены так, что как бы они ни учились, их, все-таки, (необходимо. — Н. Ш.) оставлять в заведении до 16-летнего возраста» [УЦГА АС КБР, ф. И-16, оп. 1, д. 116, л. 12]. Как показала практика, данные методы шли во вред воспитанникам. Зачастую горцев исключали из учебных заведений, поскольку они оказывали «дурное влияние на своих сотоварищ» [Там же]. В большинстве своем эффективность обучения была на низком уровне, и цифры на практике реализованы не были.

Несмотря на то, что в целом горцы негативно относились к обучению детей в российских учебных заведениях (у большинства из них в сознании укоренилась мысль о невозможности принять благо из рук противника), тем не менее влияние русской культуры на изменение ментальных установок горской знати было очевидным. Понимая, что на первых порах дети не достигают успехов в учебе, родители неоднократно направляли обращения к российским властям о предоставлении детям шанса на зачисление в военные учебные заведения. Продолжение учёбы виделось необходимым «в обучении с русскими», чтобы горцы привыкли «к порядку жизни и отправке их на дальнейшую службу» [Там же, л. 10].

Второй этап приходился на период с конца 40-х годов до начала 50-х годов XIX века. По мере укрепления мирных взаимоотношений с населением горских регионов, принимая во внимание озабоченность родителей относительно судьбы своих детей, российское правительство инициировало создание специальных учебных заведений — горских школ, финансируемых государством, целью которых было обеспечение возможности получения образования детьми непосредственно на территории региона, исключая необходимость их выезда за его пределы. Так, в 1849 году для детей князей и дворян при полках Отдельного горского корпуса был открыт Ставропольской гимназии горский пансион. В 1857 году кабардинских и балкарских детей в нем насчитывалось 25, к 1858 году их численность несколько сократилась — 20 учащихся, в 1859 году проходило обучение 22 ребенка [УЦГА АС КБР, ф. И-2, оп. 1, д. 18, л. 14].

Для того чтобы привлечь внимание горской знати к образованию детей и впоследствии использовать их для несения не только государственной и военной службы, а также в качестве проводников новых моделей ценностных систем, было принято решение ввести добавочные места в горском пансионе и выделить стипендиальный фонд за счет государственной казны. Так, для Кабардинского округа предусматривалась квота в количестве 50 мест для детей горцев [Там же, лл. 21, 22—23.]. Тем не менее количество фактически занятых мест оказалось ниже предусмотренного лимита.

Укрепление российских позиций на Северном Кавказе вызывало крайне негативную реакцию со стороны кабардинской и балкарской верхушки, которая не желала принимать данный факт и адаптироваться к новым политическим реалиям. Традиционные отношения в национальной системе народов Северного Кавказа и в Кабарде и Балкарии, в частности, являлись обязательной частью процесса конструирования национального сообщества и активизировались в зависимости от спроса политической среды, представляющей арену прямых военных столкновений. Это порождало радикальные и агрессивные формы взаимодействия с российскими властями

[Шаожева, 2011, с. 78—79]. Большая часть привилегированного кабардинского и балкарского населения боялась влияния русификаторской политики, приводившей к потере горцами этнической и религиозной идентичности, основу которой составляла межпоколенная трансляция. Существующие у кабардинцев и балкарцев традиционные системы социализации на протяжении длительного времени формировали гипертрофированное понимание аксиологического конструкта «свой» — «чужой», в силу чего всё, что «выходило за рамки привычного миропонимания, считалось греховным и опасным, а потому российские учебные заведения оценивались частью населения крайне негативно. Оторванность детей от семьи во время учёбы воспринималась как утрата ими собственной, прежде всего религиозной идентичности [Середина, 2024, с. 77]. В многочисленных рапортах Начальнику Западного военного округа неоднократно сообщалось: были выданы предписания о доставлении детей в школу, но родители не только не желали, чтобы дети там учились, но и требовали исключить их из числа воспитанников [УЦГА АС КБР, ф. И-16, оп. 1, д. 1731, лл. 41—41 об.].

В 1851 году открывается Кабардинская школа, которая также была рассчитана на детей князей и дворян, но не только из Кабарды и Балкарии, но и из Дигории, Сванетии и Карачая. Общая численность учеников составляла 25 человек. Родителям разрешалось отправлять вместе с детьми воспитателей, однако все же детей горской знати обучалось немного [Копачев, 1964, с. 41]. Малочисленность учащихся объяснялась, во-первых, традиционной системой воспитания, связанной с институтом аталаичества у горских народов: «Князья и уздени по большей части не воспитывают детей при себе, а отдают их до совершеннолетия к аталаику или кормилице, которые не учат их ничему, а делают их чуждыми родителям и даже к ним непослушными» [Косвен, 1935]. Например, ребенка у кабардинцев отдавали сразу после рождения и до совершеннолетия, в отличие, например, от балкарцев, где ребенок у аталаика жил до 7 лет. Во-вторых, тяжелое материальное положение не позволяло князьям и дворянам обучать детей за свой счет. В данном случае необходимо уточнение. Дело в том, что среди горской аристократии бытовало пренебрежительное отношение к материальному богатству. Распространенная практика наездничества, особенно развитая у адыгов, в частности у кабардинцев, была связана с захватом добычи, но не имела конечной целью своей обогащение. Все добытое в результате похода подлежало обязательной раздаче, кроме оружия, обуви и лошадей. «...Владелец не имел ничего собственного, ...получает все... от подчиненных» [Ногмов, 1994] В-третьих, сдерживающим фактором было влияние мулл, которые делали все возможное, чтобы оградить подрастающее поколение от духовно-нравственных ценностей русской культуры.

Третий этап — 60-е годы XIX века — связан с созданием целого комплекса учебных заведений — горских школ. Их отличительной чертой была всесословность. Но о системности образования в Кабарде и Балкарии в обозначенный исторический период говорить не приходится, поскольку «не было единого управления, концепции развития, элементы не взаимодействовали между собой. Однако появление школ разных типов означало возможность выбора для обучающихся и их родителей» [Коновалов и др., 2018, с. 36].

В 1860 году на базе Кабардинской школы в Нальчике была создана окружная горская школа, в которой все учащиеся содержались за счет государственной казны, кабардинских и балкарских общественных сумм и средств Командующего Кавказской армией. Подачу прошения о выделении денег на обучение своих детей в таких школах могла себе позволить только знать. Изначально общая численность воспитанников колебалась в пределах 80 человек (53 были детьми кабардинских и балкарских князей и дворян). Но к 1889 году численность их возросла до 106 человек [Копачев, 1964, с. 57].

Надо заметить, что окружные школы давали образование высокого качества. Вот список некоторых предметов, изучаемых в них: помимо Закона Божьего для православных и мусульманских законов для мусульман, значительное количество часов отдавалось русскому языку и грамматике, географии, русской и всеобщей истории, арифметике (алгебре и геометрии), черчению, рисованию и т. д. [Об уставе горских школ .... 1859, с. 381]. Для выпускников школ открывалась возможность дальнейшей учебы в университетах империи. И со временем среди кабардинских и балкарских князей и дворян увеличилось число тех, кто заботился о будущем своих детей. Так, в прошении князя Исмаила Атажукина говорилось, что его сын Муса является кандидатом на зачисление в Нальчикскую окружную горскую школу: однако в связи с «...множеством кандидатов до него очередь не дошла, между тем ему лет уже двадцать и сын мой может лишиться данного воспитания...». Он просил начальника Нальчикского округа зачислить сына в школу и дать возможность получить образование. Таких обращений было очень много, и все родители просили об обучении детей за счет кабардинской казны. Так, Таубий Измаил Урусбиеев просил отправить сына в Крым: до этого он окончил Петровско-Разумовскую академию «по агрономическому делу, а ныне желает изучать садоводство» за счет балкарской казны» [УЦГА АС КБР, ф. И-6, оп. 1, д. 85, л. 25, 29, 33, 46].

Выделение средств из Кабардинской или Балкарской общественной суммы для детей низших сословий было крайне затруднительно, но и для них была возможность обучения. Стимулом для этого служила отличная учеба, которая «освобождала от взноса денег... по представлению Педа-

гогического совета или военного начальства» [Об уставе горских школ ... 1859, с. 380.].

Постепенно социальный состав учащихся школы существенно меняется. Так, если в 1895 году из 115 учеников школы 64 были детьми дворян и князей, 3 — дети духовенства, 28 — выходцы из городских сословий, 18 — дети военных чиновников и казачества, 2 — дети крестьян [Саблиров, 2001, с. 118], то в 1907 году в ней учились: дети князей и дворян — 35, городских сословий — 18, крестьян — 110, духовенства — 15 [УЦГА АС КБР, ф. И-6, оп. 1, д. 712, л. 45].

Несмотря на то, что в определенную историческую эпоху культурно-бытовые традиции являлись частью этнокультурной специфики и воспринимались как традиции этнические, национальные [Смирнова, 1977, с. 91], тем не менее трансформационные процессы в экономике и политике создали условия для зарождения инновационных аксиологем, формируя новые структуры общественного сознания.

3.3. Трансформация аксиологических и когнитивных моделей воспитания горских детей в контексте экономической и социокультурной модернизации

Российские власти, понимая оторванность горских школ от насущных экономических потребностей региона, способствовали распространению разностороннего образования, носящего прикладной характер. Так, было принято решение организовать сельскохозяйственную школу, поскольку такого типа школы «давали возможность населению извлекать больше пользы ... в отношении почвы, климата, качества земли» [УЦГА АС КБР, ф. И-6, оп. 1, д. 514, л. 24], тем более что хозяйственное развитие региона все больше вовлекалось в рыночные связи с Россией. Дети разных сословий стали обучаться ремеслу, сельскому хозяйству, молочному производству. Кавказское горское управление активно направляло горцев в различные сельскохозяйственные, ремесленные, фабричные и промышленные заведения с целью дать молодым людям знания, которые «позволяют улучшить материальный быт и предоставляют средства к более или менее обеспеченному существованию», к тому же обучившиеся «примером своим поощрят многих горцев к подражанию» [УЦГА АС КБР, ф. И-2, оп. 1, д. 860, лл. 1—4 об]. Так, территориально близким учебным заведением была сельскохозяйственная школа в Тифлисе. За период с 1864 по 1870 годы общая численность детей горцев в нем колебалась от 15 до 25 ежегодно. Обучение осуществлялось за счет государственной казны. Обязательным условием была принадлежность их к семействам, «в каких наблюдается стремление к улучшению своего хозяйства и вместе с тем...не сочтут для себя обременительным...и признают выгодным» [Там же, лл. 1—4 об].

На протяжении XIX века образование для детей крестьян было недоступным и неактуальным. В условиях «самообеспечивающегося натурального хозяйства, когда семье требовалось большое количество рабочих рук» [Кучмезова, 2003, с. 25], образование молодого поколения не находило поддержки и одобрения со стороны родительской среды в низших сословиях. Ведение традиционного хозяйства в непростых природных условиях (особенно у балкарцев) требовало значительных усилий всех членов семьи. Трудовая жизнь мальчиков начиналась в малолетнем возрасте. С 2—3 и до 10 лет основная задача родителей была привить детям навыки труда, поскольку производительный труд как кабардинской, так и балкарской семьи являлся залогом благосостояния [Сабанчиева, 2015, с. 61]. В рапортах инспектору народных училищ Терской области говорилось, что неоднократно на сельских сходах и через старшин селений делались объявления о приеме учеников (причем набор выходил за рамки приемной кампании) в школы, однако родители отказывались приводить детей [УЦГА АС КБР, ф. И-6, оп. 1, д. 933, л. 40—43 об].

К началу XX века структура образования в Нальчикском округе выглядела следующим образом. В наличии было 26 училищ: окружная горская школа, состоявшая из 3-х классов, 25 низших школ, из них 8 мужских, 1 женская и 16 смешанных, 5 церковно-приходских. Из общего числа школ 7 находились в русских населенных пунктах, остальные — в «туземных селениях». Общая численность учащихся обоего пола насчитывала 1717 чел., причем большинство грамотных приходилось на русское население (общая численность горского населения 92 847 чел. — 1 грамотный на 59 человек) [УЦГА АС КБР, ф. И-6, оп. 1, д. 514, л. 22 об, 23, 23 об].

О том, как развивалось образование в Кабарде и Балкарии в начале XX века, мы можем проследить из имеющихся в нашем распоряжении архивных данных (табл.).

Анализируя данные таблицы, можно сделать вывод, что наряду со светским образованием, представленным министерскими школами, которые имели преимущество, поскольку устраивались за казенный счет [Кобахидзе и др., 2021, с. 387], мусульманское образование также играло большую роль в культурном развитии региона [Урусмамбетова, 2025, с. 43], распространяя знания, пусть даже в рамках подготовки служителей культа. Численность мусульманских школ постоянно менялась, поскольку они могли открываться и закрываться по инициативе жителей села либо учителя. Знания о толковании Корана, объяснение значения сур, хадисов, освоение арабского языка, на котором велось все делопроизводство, были важными в повседневной жизни кабардинцев и балкарцев. Прошедшие такой курс горцы впоследствии соблюдали строгий, в рамках ислама, образ

Таблица

Количество учебных заведений и число учащихся
в Нальчикском округе Терской области на 1912 год*

Место нахождения	Министер-ские	Частные	Мектебе	Медресе	Число учащихся	
					м	ж
1 участок						
Наурузово				3	10	2
Атажукино 1	1				60	
Кучмазукино	1				70	
Тамбиево 1	1			1	5/35	17
Касаево	1				50	
Тамбиево 2	1				50	5
Лафишево	1			4	30/50	5/2
Атажукино 3	1			2	50/40	
Ашабово	1			3	55	
Коново				3	65	
Бабуково				3	42	
Абуково					1	10
Кармово	1			1	50/38	
Хасаут				1	20	
Иналово	1			4	50/91	
2 участок						
Слобода Нальчик	3				219	10
Гунделен				1	25	
Общество Балкарское				1	86	
Кошхотовское	1				4	1
Хуламское				1	16	
3 участок						
Шалушкинское	1				23	3
Куденетово 1	1				48	
Куденетово 2	1			1	32	2
Н. Клишбиеевское	1			1	40	12
Мисостово	1			1	75	2
Докшоково	1			1	49	7
Докшукино	1			1	49	12
Жанхотово				2	39	21
Аргудан	1		1	1	31	
К. Анзорово	1			1	4	
Х. Анзорово				1	26	12
4 участок						
				18	195	119

* Составлено по: [УЦГА АС КБР, ф. И-6, оп. 1, д. 850, л. 50, 52 об, 53 об, 57 об].

жизни. Светское же образование рассматривалось муллами и эфендиями как угроза их влиянию и материальному благополучию (они получали вознаграждение за каждого ученика). Однако, несмотря на рост числа мусульманских учебных заведений, количество учащихся в них было невелико от общего количества коренного населения (1 грамотный примерно на 132 человека), поэтому можно сделать вывод, что на Северном Кавказе приобщение ребенка к исламу на протяжении XIX — начала XX веков не являлось частью воспитательного процесса [Блейх, 2020, с. 377].

Обучение девочек сильно отставало от обучения мальчиков. Мы располагаем фрагментарными данными о развитии женского образования в Кабарде и Балкарии. Так, в 1860 году в Нальчике была открыта одноклассная Михайловская бессословная школа, численность учениц которой с 1860 года (14 человек) увеличилась к 1867 до 32 и к 1897 году до 43 человека [УЦГА АС КБР, ф. И-6, оп. 1, д. 846, л. 46]. В 1912 году она приобрела статус женского училища, и количество учениц составляло 74 [УЦГА АС КБР, ф. И-6, оп. 1, д. 850, л. 4650]. Наряду с горской школой в 1860 году стала функционировать бесплатная женская школа общей численностью 23 ученицы [Кумыков, 1965, с. 338]. Однако основная масса учениц во всех учебных заведениях была представлена русскими поселянами.

В 1914 году жена титулярного советника М. И. Шершунова именно для «туземок» начала свою деятельность по обучению девочек. Кроме изучения общеобразовательных предметов, «главное внимание» в школе уделялось практическим навыкам, которые могли пригодиться в быту: домоводству и «усадебному хозяйству» [УЦГА АС КБР, ф. И-6, оп. 1, д. 891, л. 45].

В 1915 году сельский старшина с. Кармово обратился с просьбой об открытии в селении женского училища. Но ему было отказано по причине того, что имеется мужское училище, в которое могут ходить и девочки, «тем более что в последнем даже не имеется полного комплекта учеников» [УЦГА АС КБР, ф. И-6, оп. 1, д. 933, л. 138—138 об].

В 1917 году на базе реального училища в Нальчике была открыта женская гимназия в составе подготовительного, I, II и V классов. Предполагалось, что при увеличении учащихся будут открыты III и IV классы [УЦГА АС КБР, ф. И-27, оп. 2, д. 10, л. 7]. Но, поскольку документальные сведения по данному факту отсутствуют, мы можем предположить, что количество учениц было недостаточным.

Женское образование на протяжении XIX — начала XX веков в Кабарде и Балкарии для горянок было недоступным, поскольку традиционный, патриархальный уклад жизни, религиозные установки формировали однозначные, приемлемые для общества женские социально-этические и

поведенческие нормы [Шаожева, 2011, с. 96]. Ситуация по образованию девочек в кавказских семьях изменится только в период вступления региона в эпоху советской модернизации.

4. Заключение = Conclusions

Образовательная политика Российского государства на Северном Кавказе в XIX — начале XX веков была направлена на формирование единого социокультурного и экономического пространства. Основной концепцией данной политики являлась русификация и интеграция горцев в империю. Российские власти, создавая учебные заведения различного уровня, пытались подготовить из местного населения специалистов, которых можно было бы привлекать как на военную службу, так и на гражданскую. Для этого в регионе открывались министерские, горские школы, пансионы, училища.

Но реализация образовательной политики России на протяжении XIX века в Кабарде и Балкарии претерпевала определённые трудности. Традиционные механизмы социализации, длительное время функционировавшие в среде кабардинцев и балкарцев, сформировали устойчивое представление о разделении и «непроницаемости» «своего» и «чужого». Это привело к тому, что любые явления, выходящие за рамки традиционной картины мира, воспринимались большинством населения как потенциально вредные и угрожающие культурному наследию. Вследствие этого образование некоторое время оценивалось значительной частью местного населения резко отрицательно. Длительное пребывание ребенка вдали от родного очага ассоциировалось у родителей с утратой этнической и религиозной принадлежности. В целом, большая часть горского населения боялась влияния русификаторской политики, способствующей нарушению механизма межпоколенной и этнокультурной трансляции. Но были и те, кто понимал необходимость и важность образования в рамках набирающего силу культурно-общественного единения.

Модернизация северокавказского общества в конце XIX — начала XX веков внесла свои коррективы как в систему образования, так и в отношение к данному социальному институту со стороны горцев. Желание повысить уровень своего материального благосостояния стимулировало рост числа родителей, стремящихся обеспечить своим детям доступ к образованию, в частности, в областях прикладных ремесел, таких как столярное, слесарное, кузнецкое мастерство и ткацкое искусство, востребованных в повседневном быту. Несмотря на то, что мусульманское образование играло большую роль в культурном развитии региона, число учащихся в медресе и мектебе было невелико: традиционная система воспитания преобладала над религиозной.

Для девочек-горянок в Кабарде и Балкарии обучение было недоступным на протяжении всего XIX — начала XX веков, поскольку в системе традиционного женского воспитания превалировали однозначные женские социально-этические и поведенческие нормы, не вписывающиеся в новую социокультурную парадигму.

Таким образом, образовательная политика Российской империи в указанный исторический период способствовала постепенной интеграции горских народов в структуру государства путем трансформации традиционных культурных установок и адаптации их к современным аксиологическим принципам. Одновременно эта стратегия встречала определенное противодействие со стороны местных общин, опасавшихся разрушения собственной языковой среды, традиционной культуры и идентичности.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Об уставе горских школ // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Царствование императора Александра II. 1855—1864. — С. 381.

2. УЦГА АС КБР — Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики. Ф. И2 (Управление Кабардинского округа). Оп. 1. Д. 18. Л. 22—23 ; Д. 860. Лл. 1—4 об.

3. УЦГА АС КБР — Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики. Ф. И2 (Управление Нальчикского округа Терской области). Ф. И6. Оп. 1. Д. 85. Л. 25. 29, 33, 46 ; Д. 514. Л. 22 об, 23, 23 об. ; Д. 712. Л. 45 ; Д. 846. Л. 46 ; Д. 850. Л. 50, 52 об, 53 об, 57 об. ; Д. 891. Л. 45 ; Д. 933. Л. 40—43 об.

4. УЦГА АС КБР — Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики. Ф. И16 (Управление Центра Кавказской линии). Ф. И16. Оп. 1. Д. 116. Л. 9—9 об. ; Д. 1018. Лл. 30—30 об, 36, 39 об — 40 ; Д. 1152. Л. 14—14 об. ; Д. 1731. Лл. 41—41 об. ; Д. 1189. Л. 14.

5. УЦГА АС КБР — Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики. Ф. И27 (Тыжевское сельское правление I-го участка Нальчикского округа Терской области). Ф. И27. Оп. 2. Д. 10. Л. 7.

Литература

1. Арсанукаева М. С. Политика Российской империи по развитию образования в Чечне и Ингушетии (XIX — начало XX вв.) / М. С. Арсанукаева // Теория и история права и государства, история правовых учений. — 2013. — № 4. — С. 9—15.

2. Блейх Н. О. Роль Российской империи в развитии системы просвещения у мусульманских народов Северного Кавказа / Н. О. Блейх // Диалог со временем. — 2020. — Выпуск 72. — С. 376—390. — DOI: 10.21267/AQUILo.2020.72.72.025.

3. Гяургиеva Ф. Ю. Формирование социально-этических норм поведения учащихся национальных школ на традициях народного этикета кабардинцев и балкарцев : диссертация ... кандидата педагогических наук : 13.00.01 / Ф. Ю. Гяургиеva. — Москва, 2014. — 223 с.
4. Кобахидзе Е. И. Эволюция института начальной церковной школы в Осетии (1860—1917 годы) / Е. И. Кобахидзе, Б. В. Туаева // Научный диалог. — 2021. — № 10. — С. 378—395. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-378-395.
5. Коновалов А. А. Деятельность образовательных учреждений в Кабарде и Балкарии во второй половине XIX — начала XX вв. / А. А. Коновалов, Р. З. Насипова // Исторические, философские, политические и юридические науки. Культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2018. — № 4 (90). — С. 35—40. — DOI: org/10.30853/manuscript.2018-4.7
6. Копачев И. П. Развитие школьного образования в Кабардино-Балкарии в 1830-е гг. в. / И. П. Копачев. — Нальчик : Типография Революции 1905 г., 1964. — 180 с.
7. Косвен М. О. Атальчество / М. О. Косвен // Советская этнография. — 1935. — № 2. — С. 41—62.
8. Кумыков Т. Х. Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в 19 в. / Т. Х. Кумыков. — Нальчик : Типография Революции 1905 г., 1965. — 419 с.
8. Кучмезова М. Ч. Соционормативная культура балкарцев : традиции и современность / М. Ч. Кучмезова. — Нальчик : Эльфа, 2003. — 211 с. — ISBN 5-88195-577-3.
9. Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа / Ш. Б. Ногмов. — Нальчик : Эльбрус, 1994. — 232 с.
10. Прокудин К. А. Горские народы Северного Кавказа на государственной службе в Российской империи XIX в. [Электронный ресурс] / К. А. Прокудин. — Режим доступа : <https://kartaslov.ru> (дата обращения 07.07.2025).
11. Сабанчиева Л. Х. Семья и семейная обрядность кабардинцев : между традицией и модернизацией / Л. Х. Сабанчиева. — Нальчик : Издательский отдел КБИГИ, 2015. — 180 с. — ISBN 978-5-91766-099-8.
12. Саблиров М. З. Культура народов Кабарды и Балкарии в конце XIX — начала XX вв. / М. З. Саблиров. — Нальчик : Адыгэ хэку, 2001. — 232 с.
13. Середина И. В. Образование и новые реалии повседневности у горских народов Северного Кавказа во второй половине XIX в. / И. В. Середина // Известия Вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. — 2024. — № 2. — С. 73—79. — DOI: 10.18522/2687-0770-2024-2-73-79.
14. Смирнова Я. С. Культурное взаимодействие и семья (по материалам Северного Кавказа) / Я. С. Смирнова // Советская этнография. — 1977. — № 5. — С. 81—92.
15. Трехбратова С. А. Становление образования у горцев — Северо-Западного Кавказа (30—50 гг. XIX в.) / С. А. Трехбратова // Культурная жизнь Юга России. — 2015. — № 3 (58). — С. 57—62.
16. Тхакахов В. Х. Социальные и этнокультурные процессы на Северном Кавказе : вопросы методологии / В. Х. Тхакахов. — Санкт-Петербург : НИИХ СПбГУ, 2002. — 212 с. — ISBN 5-7997-0435-5.
17. Уруссамбетова Л. А. История развития начального образования в Кавказском учебном округе в конце XIX — начале XX века / Л. А. Уруссамбетова // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова. — 2025. — № 2. — С. 39—48. — DOI: 10.29025/1994-7720-2025- 2-39-48.

18. Шаожева Н. А. Гендерные процессы в этнополитическом и социокультурном пространстве Северного Кавказа / Н. А. Шаожева. — Нальчик : КБНЦ РАН, 2011. — 256 с. — ISBN 978-5-901497-68-5.

19. Шафранова О. И. Имперская модель образовательной интеграции для национальных окраин : северокавказская школа во второй половине XIX — начале XX в / О. И. Шафранова, М. С. Трофимов // Гуманитарные и юридические исследования. — 2020. — № 3. — С. 109—118. — DOI: 10.37493/2409-1030.2020.3.13.

Статья поступила в редакцию 28.07.2025,
одобрена после рецензирования 14.11.2025,
подготовлена к публикации 24.12.2025.

Material resources

On the charter of mountain schools. (1855—1964). *Collection of resolutions on the Ministry of Public Education. The reign of Emperor Alexander II.* P. 381. (In Russ.).

UCGA AS KBR — *Department of the Central State Archive of the Archival Service of the Kabardino-Balkarian Republic. F. I2 (Department of the Kabardian district).* (In Russ.).

UCGA AS KBR — *Department of the Central State Archive of the Archival Service of the Kabardino-Balkarian Republic. F. I2 (Department of the Nalchik district of the Tersk region).* (In Russ.).

UCGA AS KBR — *Department of the Central State Archive of the Archival Service of the Kabardino-Balkarian Republic. F. II6 (Department of the Center of the Caucasian Line).* (In Russ.).

UCGA AS KBR — *Department of the Central State Archive of the Archival Service of the Kabardino-Balkarian Republic. F. I27 (Tyzhevskoye rural board of the I-th section of the Nalchik district of the Tersk region).* (In Russ.).

References

Arsanukayeva, M. S. (2013). The policy of the Russian Empire for the development of education in Chechnya and Ingushetia (XIX — early XX centuries). *Theory and History of Law and the State, History of Legal doctrines*, 4: 9—15. (In Russ.).

Bleikh, N. O. (2020). The role of the Russian Empire in the development of the education system among the Muslim peoples of the North Caucasus. *Dialogue with Time*, 72: 376—390. DOI: 10.21267/AQUILO.2020.72.72.025. (In Russ.).

Gyaurgieva, F. Y. (2014). *Formation of socio-ethical norms of behavior of pupils of national schools based on the traditions of folk etiquette of Kabardians and Balkarians.* PhD Diss. Moscow. 223 p. (In Russ.).

Indirect, M. O. (1935). Atalychestvo. *Soviet ethnography*, 2: 41—62. (In Russ.).

Kobakhidze, E. I., Tuaeva, B. V. (2021). Evolution of Institution of Elementary Church School in Ossetia (1860—1917). *Nauchnyi dialog*, 10: 378—395. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-10-378-395>. (In Russ.).

Konovalov, A. A., Nasipova, R. Z. (2018). Activity of educational institutions in Kabarda and Balkaria in the second half of the 19th — early 20th centuries. Historical, philosophical, political and legal sciences. *Cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice*, 4 (90): 35—40. DOI: org/10.30853/manuscript.2018-4.7. (In Russ.).

- Kopachev, I. P. (1964). *The development of school education in Kabardino-Balkaria in the 1830s*. Nalchik: Printing House of the Revolution of 1905. 180 p. (In Russ.).
- Kuchmezova, M. Ch. (2003). *Socionormative culture of the Balkars: traditions and modernity*. Nalchik: Elfa. 211 p. ISBN 5-88195-577-3. (In Russ.).
- Kumykov, T. Kh. (1965). *Economic and cultural development of Kabarda and Balkaria in the 19th century*. Nalchik: Printing House of the Revolution of 1905. 419 p. (In Russ.).
- Nogmov, Sh. B. (1994). *The history of the Adyhei people*. Nalchik: Elbrus. 232 p. (In Russ.).
- Prokudin, K. A. *The mountain peoples of the North Caucasus in public service in the Russian Empire of the XIX century*. Available at: <https://kartaslov.ru> (accessed 07.07.2025). (In Russ.).
- Sabanchieva, L. H. (2015). *Family and family rituals of Kabardians: between tradition and modernization*. Nalchik: Publishing Department of KBIGI. 180 p. ISBN 978-5-91766-099-8. (In Russ.).
- Sablirov, M. Z. (2001). *Culture of the peoples of Kabarda and Balkaria in the late XIX — early XX centuries*. Nalchik: Adyge heku Publ. 232 p. (In Russ.).
- Shafranova, O. I., Trofimov, M. S. (2020). The Imperial model of educational integration for national suburbs: the North Caucasian school in the second half of the 19th — early 20th centuries. *Humanitarian and legal studies*, 3: 109—118. DOI: 10.37493/2409-1030.2020.3.13. (In Russ.).
- Shaozheva, N. A. (2011). *Gender processes in the ethnopolitical and sociocultural space of the North Caucasus*. Nalchik: KBSC RAS. 256 p. ISBN 978-5-901497-68-5. (In Russ.).
- Smirnova, Ya. S. (1977). Cultural interaction and family (based on materials from the North Caucasus). *Soviet ethnography*, 5: 81—92. (In Russ.).
- Sredina, I. V. (2024). Education and new realities of everyday life among the mountain peoples of the North Caucasus in the second half of the 19th century. *Izvestiya Vuzov. The North Caucasus region. Social sciences*, 2: 73—79. DOI: 10.18522/2687-0770-2024-2-73-79. (In Russ.).
- Tkhakakhov, V. Kh. (2002). *Social and ethnocultural processes in the North Caucasus: issues of methodology*. Saint Petersburg: NIIH St. Petersburg State University. 212 p. ISBN 5-7997-0435-5. (In Russ.).
- Trekhbratova, S. A. (2015). The formation of education among the highlanders of the North-Western Caucasus (30—50 years of the XIX century). *Cultural life of the South of Russia*, 3 (58): 57—62. (In Russ.).
- Urusmambetova, L. A. (2025). History of primary education development in the Caucasian educational district in the late 19th — early 20th century. *Bulletin of the K. L. Khetagurov North Ossetian State University*, 2: 39—48. DOI: 10.29025/1994-7720-2025-2-39-48. (In Russ.).

*The article was submitted 28.07.2025;
approved after reviewing 14.11.2025;
accepted for publication 24.12.2025.*